

Анна Старобинец

Агентство

Я иду по узкой вонючей дорожке между сараев. Сараи все почему-то зеленые, лишь иногда попадаются темно-коричневые. Я стараюсь не задевать плечом их стены: они покрыты желтоватой слизью и птичьим пометом с налипшими сверху куриными и голубиными перышками. Мои ботинки и штанины брюк до самых колен покрыты белесой грязью. По инерции я все равно смотрю под ноги: стараюсь не наступить в лужу или собачью кучу.

Пятнистая шавка с распухшим животом и грязными глазами лежит поперек дорожки и грызет куриную кость. Я делаю шаг вперед. Шавка показывает желтые зубы и тихо рычит. Я останавливаюсь. Впереди всего четыре сарая и – выход из лабиринта. Я поднимаю ногу – шавка переходит на визг, черно-белая шерсть на спине встает дыбом. Я бью ее ботинком по морде. Она отскакивает на метр, но потом снова подбегает и разражается пронзительным писклявым лаем. Я бью ее снова, придавливаю ногой к земле, она утробно урчит, ее морда утыкается в куриную кость. Я давлю сильнее. Собака умолкает. Что-то хрустит – я не смотрю что. Быстро дохожу до конца дорожки и оказываюсь на детской площадке. Промываю ботинки в луже.

В центре двора – песочница, в которой копошатся с ведерками два мальчика-переростка. Приземистые качели, гнилой деревянный стол. У стола толпятся дети, разинув рты разглядывают что-то. Я подхожу ближе. Я вижу ее.

На фотографии в газете она выглядела иначе – растерянная слюнявая кукла с испуганными глазами и идиотским желтым бантом на голове. Вживую – ничего особенного: невзрачный пятилетний ребенок, шмыгает носом, сосредоточенно сопит над чем-то. Я протискиваюсь между детьми, встаю рядом с ней. Они молча, с изумлением таращаются на меня. Она продолжает увлеченно ковыряться зеленым бутылочным стеклышиком в чем-то, что лежит на столе. Справа от нее – мутная банка из-под майонеза, на дне ползают дождевые черви, оранжевые с черным жуки-пожарники и огромный майский жук.

Она вытаскивает из банки пожарника и кладет на стол спинкой вниз. У нее грязные пухлые руки с черными полосками под ногтями. Высунув от напряжения язык, стеклышиком разрезает насекомое надвое, вдоль живота. Дети с любопытством разглядывают две брыкающиеся половинки. Она снова лезет в банку, вытаскивает дождевого червя. Червь некоторое время судорожно извивается, повиснув на ее пальце, затем сдается, безвольно обмякает. Она берет стеклышико.

Я делаю строгое лицо и грозно спрашиваю:

– Это еще что такое?!

Дети с хихиканьем разбегаются. Она резко поворачивается ко мне, роняет червяка на землю. Смотрит. Тупо, без всякого выражения. Ее взгляд рассеянно ползает по моей одежде.

– Что это ты делаешь? – спрашиваю очень тихо.

Она опускает голову. Шмыгает носом. Червяк лежит на земле неподвижно, там же, куда она его уронила.

– Мы играли в больницу. – Она слегка пинает червя носком ботинка. – Я врач. – Червяк нервно свищется в спираль. – Я делаю операции.

Я говорю ей:

– Что же ты наделала? Убила жучка. Его мама очень расстроится.

Снимаю темные очки и смотрю ей в глаза. Грустно и чуть укоризненно. Ее лицо наконец сморщивается в плаче. Слезы капают на стол. Она зажмуривается.

Я говорю ей:

- Знаешь, что теперь надо сделать, чтобы его мама тебя простила?
- Что?
- Надо проглотить стеклышко.

Правило номер один. Никакого криминала, никакого физического вмешательства. Только естественный ход вещей, слегка скорректированный нами. Если вам нужно просто кого-то убрать – найдите наемного убийцу. Мы занимаемся другим. Мы делаем случайности. Мы делаем совпадения.

У нас есть все. У нас есть квартиры на высоких этажах с аварийными балконами. Выигрышные лотерейные билеты. Свои казино. Свои школы. Свои магазины. Свои самолеты. Свои больницы. Актеры, исполняющие любовные роли в течение любого срока – от пары часов до пары десятков лет. Актрисы, играющие преданных женщин. Актрисы, играющие продажных женщин. Актрисы, играющие актрис. Более пятисот видов смертельных ядов. Бракованные лестницы-стремянки. Десятки тысяч болезнетворных бактерий. И вакцины от этих болезней. У нас есть одноглазые котята. Чистокровные доберманы. Просроченные продукты. Дырявые презервативы. Неисправные автомобили. Кинофильмы, о существовании которых никто не подозревает: в титрах пока не указаны ни режиссер, ни автор сценария – целая фильмотека, гениальные ленты, ждущие своих “творцов”. Гигантские стеллажи книг, написанных анонимными авторами, – когда-нибудь они станут бестселлерами... У нас есть все.

В Агентство я пришел по объявлению “Требуются монтажеры, звукооператоры, сценаристы, ассистенты режиссера, актеры”. Собеседование происходило в пустой комнате; меня экзаменовал тихий гнусавый голос, сочившийся из динамика на потолке.

- Сколько вам лет? – спросил Динамик.
 - Тридцать пять.
 - Чем вы занимаетесь?
 - Я сценарист. Пишу сценарии для телесериалов.
 - Чем вы увлекаетесь? – спросил Динамик.
 - Ничем. По вечерам смотрю телевизор. Играю в Counter Strike.
 - В какой позе вы спите?
 - Что?!
 - В какой позе спите? – бесстрастно повторил Динамик.
 - Ну... обычно на правом боку. Иногда на спине.
 - У вас есть жена?
 - Нет.
 - Вы ведете половую жизнь?
 - Какая разница?
- Динамик промолчал.
- Нет, – сказал я.
 - Любовница? Любовник?
 - Нет, – сказал я.
 - Домашние животные? Растения?
 - Нет.

Экзамен продолжался около пяти часов. Я подробнейшим образом описал мое детство, мою любимую морскую свинку, падение морской свинки с седьмого этажа, моих родителей и похороны моих родителей, мои подростковые прыщи, мои подростковые поллюции. Я перечислил названия глянцевых журналов, которые помогают мне мастурбировать. Раньше

помогали. Я терпеливо рассматривал идиотские картинки и говорил Динамику, что они мне напоминают. Я даже придумывал рифмы к разным словам, которые диктовал Динамик.

В итоге меня взяли на работу в Агентство. Думаю, потому, что я никакой. У меня нет ни друзей, ни родственников. У меня невзрачная, незапоминающаяся внешность. Средний рост. Средний вес. Меня можно перепутать с кем угодно. Меня невозможно запомнить. Если я ограблю кого-то средь бела дня, пострадавший не узнает меня на очной ставке. У меня нет родинок, бородавок или шрамов. У меня тонкие губы, ничем не примечательный нос, тусклые волосы, маленькие, невыразительные глаза, маленький мягкий член. Я импотент. Я ничем не увлекаюсь. Я умею придумывать бесконечные унылые истории об осиротевших детях, разлученных влюбленных, потерявших память красавицах и алчных злокозненных женихах. Я ношу темную неброскую одежду – обычно серую или темно-синюю – и темные очки. Я живу скучную жизнь. Я именно тот, кто им нужен. Идеальный Агент.

Там растут цветы. Извиваются и шевелятся от ветра. Отвратительные жирные кладбищенские цветы – высотой почти в человеческий рост. У них мощные лоснящиеся стебли и ядовито-желтые головки. А еще крапива – тоже гигантская и просто трава – густая, хрустящая, влажная. Втянувшая в себя подземные соки.

Народу совсем мало. Писатель сгустил застыл в одной позе, смотрит в землю, не шевелится. Его жена все время плачет, но аккуратно, без истерики. И еще несколько женщин плачут.

Я стою на некотором расстоянии от них, прислонившись к дереву. Довольно близко, но так, чтобы не бросаться в глаза. На мне длинный серый плащ. Начинается дождь – я натягиваю на голову капюшон. Я думаю: как забавно. Все это я уже не раз описывал – раньше, когда сочинял сценарии. В первой ли серии или в сто первой – рано или поздно в сериале случаются похороны. А в сцене похорон обязательно льет дождь. И чья-то одинокая фигура стоит чуть поодаль. В сером плаще, за деревьями.

Дождь усиливается, и скоро все начинают расходиться – чуть более суetливо, чем полагается в таком случае. Одна женщина задерживается у могилы: у нее есть зонтик.

Я поплотнее запахиваю капюшон – так, что лица практически не видно, только кончик носа и очки – и направляюсь к ней. Свои обычные темные очки я сегодня надевать не стал – выбрал другие, с круглыми зеркальными стеклами. Я не хочу, чтобы она запомнила меня, но беспокоиться не о чем, и я могу подойти к ней совсем близко. Она будет смотреть, но запомнит только себя – свое отражение на моем лице.

У нее добрая круглая физиономия с тремя дрожащими подбородками. Глупые голубые глаза изучают себя в моих зеркалах, когда я тихо прошу ее дать мне адрес Писателя. Кто я? Просто большой поклонник его таланта... Такое горе... У меня тоже дети, страшно себе представить... Нет, я не собираюсь надоедать визитами, я просто хочу отправить письмо с соболезнованиями, вы же знаете, иногда это помогает. Я бы ограничился телефонным звонком, но у них ведь нет телефона.

Она доверчиво кивает и диктует адрес.

Поначалу работа мне очень понравилась. Собственно, в Агентство меня вызывали крайне редко – раз в три месяца, не более того. Мне предоставили квартиру, и я работал на дому. Каждое утро я обнаруживал в своем почтовом ящике большой картонный конверт без подписи, а в нем – очередной сценарий. Курьера, который приносил – вероятно, глубокой ночью – этот конверт, я ни разу не видел. Потому что существовало правило номер два. Сотрудники Агентства ни в коем случае и ни под каким предлогом не должны знать друг друга в лицо или по голосу. Никаких собраний и корпоративных вечеринок: каждый агент

работает совершенно автономно. Задания мы получаем по телефону от Координатора – гнусавая электронная скороговорка, без жизни, без интонаций.

Каждое утро я съедал пару йогуртов и взбитое сырое яйцо, пил чай с молоком, быстренько умывался холодной водой и сразу принимался за работу. Внимательно прочитывал сценарий, делал карандашом пометки на полях. После этого у меня оставалось еще часа полтора, чтобы заняться своими делами – пока не позвонит Координатор.

Координатор был неизменно вежлив (“Добрый день, как вы себя сегодня чувствуете? Рад, что у вас все в порядке, – так что перейдем к делу. Клиент подъедет к вам сегодня около пяти – пожалуйста, обсудите с Клиентом детали сценария – убедитесь, что сценарий соответствует требованиям Агентства. Всего доброго, успехов в работе”).

Агентство – засекреченная организация. Его филиалы есть в каждой стране. О его существовании знают лишь избранные.

Наши клиенты могут придумывать свои сценарии, а могут использовать уже готовую историю – из книги или кинофильма. Наибольшей популярностью пользуется Стивен Кинг: по несколько раз мне заказывали “Сияние”, “Мизери”, “Ловца сновидений”. Какой-то грустный молодой человек принес распечатку с коротеньким рассказом Кинга – уже не помню, как называется, – об ожившем пальце, который завелся в ванной комнате у одной супружеской четы. Молодой человек хотел, чтобы в течение вечера мы запускали заводной резиновый палец в раковину и унитаз в квартире двух милых интеллигентных пенсионеров. Деньги на этот заказ он копил десять лет. Интеллигентными пенсионерами были его родители.

Как-то приходила полуумная старуха-миллионерша, чтобы заказать эпизод из “Кладбища домашних животных” для шумного семейства, проживавшего с ней по соседству. Мечтательно закатив глаза, она говорила:

– Итак, вы подстраиваете аварию, их кошка попадает под машину и умирает. Они хоронят ее, но через день мертвая кошка возвращается и пугает...

– Простите, это невозможно, – терпеливо отвечал я.

– Ну почему же невозможно? – в который раз изумлялась старуха.

– Мертвая кошка не может вернуться. Но мы можем изобразить такую кошку. Это будет искусственная, заводная кошка. Синтетическая. Довольно мертвая на вид. Или просто живая кошка, загrimированная под мертвую.

– Да нет же, если кошка вернется живая, весь смысл теряется. А я хочу, чтобы их кошка попала под машину и умерла. Они бы ее похоронили, а потом, через день...

Кроме того, клиенты просто обожают “Титаник”. Согнать всех, кто тебе антипатичен, на одну гигантскую посудину и разом торжественно потопить – вариант соблазнительный, дорогой и пошлый. Агентство приняло такой заказ лишь раз, в 1912 году, когда кто-то – не буду называть имени – действительно *придумал* все это. Сценарий тогда сочли эффектным, вызывающим. Но повторять этот фокус снова и снова – удел людей, начисто лишенных фантазии. Таким клиентам мы предлагаем обойтись авиакатастрофой. Как правило, они соглашаются. А иные довольствуются просто аварией поезда или автобуса.

Самостоятельные сценарии, как правило, более чем убоги. Например, папочки-миллиардеры любят заказывать для своих ненаглядных деток практически всю их жизнь наперед. Родился – учился – нажился – женился – умер во сне. Все возможные детали и хоть какие-то сюжетные повороты для таких голых схем я придумываю сам. Скука смертная. Но что делать: каждый день самые богатые люди планеты и просто очень богатые люди приносят сюда свои деньги. Такие огромные деньги, что их хватает на содержание нашего Агентства. Такие огромные, что у нас есть все.

Писатель идет к железнодорожному вокзалу – покупать обратные билеты. Естественно, они больше не могут здесь оставаться. Это слишком маленький городок, и каждая собака уже знает о том, что случилось. К тому же провинциальная тишина теперь ни к чему: едва ли Писатель продолжит работу над новым романом. Вернуться в свой большой, грохочущий, по-дружески равнодушный город – единственное, чего им сейчас хочется.

Он идет, низко опустив голову. Я иду за ним.

На нем ярко-красный шарф – дурацкая радостная клякса на черной одежде. Я слежу за ним уже больше недели, но этот шарф вижу впервые. Может быть, он где-то случайно подобрал его и бездумно нацепил на себя: обычно Писатель одевается со вкусом. А может, надел специально – чтобы к этой кричащей тряпке, а не к его лицу прилипали сочувственные взгляды.

Он покупает билеты. Медленно плетется обратно по узкой пустой платформе. Я иду за ним. Мне жаль его. Он не слышит мои шаги у себя за спиной: их заглушает шум приближающегося поезда.

Конечно, я не собирался всю жизнь довольствоваться должностью простого редактора сценариев. Дело не в том, что я карьерист, и неудовлетворенные амбиции тут ни при чем. Просто я творческая личность. Я всегда мечтал... да, я всегда мечтал попробоваться в Агентстве как режиссер.

Однажды утром мне позвонил Координатор и после привычного гнусавого речитативчика добавил еще одну фразу: "...Пожалуйста, обсудите с Клиентом детали сценария – убедитесь, что сценарий соответствует требованиям Агентства, – с сегодняшнего дня у вас есть право реализовывать заказанные сценарии самостоятельно".

Мне было не по себе. В ожидании звонка Координатора я бессмысленно пялился в телевизор уже больше часа. Почему-то работало только два канала, и я попеременно расстреливал из телевизионного пульта участников ток-шоу на одном и каких-то подозрительных улыбчивых медработников на другом. Когда я нервничаю, я всегда переключаю программы. Это меня успокаивает.

– Дверь была открыта.

Кто-то еще находился в комнате. Кто-то говорил со мной отвратительным хриплым голосом. На экране толстая женщина в мини-юбке ерзала в огромном кожаном кресле и собиралась плакать. Я прицелился в нее пультом, нажал зеленую кнопку, и она с облегчением растворилась в квадрате темноты. Я продолжал смотреть. Темноту заполнило мое отражение – мое и того, кто стоял у меня за спиной.

– Будьте добры, оставьте этот канал. Мое любимое ток-шоу.

Я шевельнул пальцем, и женщина воскресла. Длинноногая ведущая злорадно протягивала ей стакан воды. Толстая вытирала слезы одноразовыми бумажными платочками и горестно мотала головой. Я точно знаю, что дверь не могла быть открыта. Я всегда закрываю дверь.

Я оглянулся.

С этим Клиентом все было странно, очень странно с самого начала. Во-первых, в тот день мне не принесли сценарий – я напрасно прождал все утро. Во-вторых, о его приходе меня не предупредили. Он пришел сам. И в-третьих, у него, кажется, был ключ от моего дома. Иначе как он мог проникнуть внутрь? Я всегда закрываю дверь.

Он положил на мой письменный стол папку с надписью "Сценарий" и большую – чуть не на полосу – газетную вырезку.

Статья называлась как-то очень торжественно и бессмысленно: “Новый голос поколения”, или “Голос нового поколения”, или “Поколение нового голоса”?.. Что-то в этом роде. Прямо под заголовком красовалась гигантская фотография, изображавшая счастливое семейство: муж, жена, маленькая дочка. Он смотрит в камеру поверх очков – чуть иронично, немного устало, в целом доброжелательно. Она улыбается, глядит на него с гордостью: улыбка одновременно глупая и фальшивая. В одной руке она держит какой-то листок – кажется, почетную грамоту, – другой чуть приобнимает ребенка.

Фотографию обрамлял куцый текст, в котором сообщалось, что популярный Писатель, обладатель нескольких престижных литературных премий, вместе с семейством уезжает из столицы в маленький провинциальный городок, чтобы вдали от столичной сути полностью посвятить себя созданию очередной книги.

Далее следовало интервью с Писателем. Тот говорил, что идею нового романа вынашивал много лет. Что в новом романе снова будут затронуты самые актуальные проблемы современного общества. Что первым читателем нового романа, как всегда, станет его супруга. И что в новой квартире, которую они купили в маленьком провинциальном городке, не будет телефона: лишние связи с внешним миром им ни к чему.

Я потянулся было к папке со сценарием, но он остановил меня:

– Потом. Это потом. Когда я приду в следующий раз.

Он двинулся к выходу. Сценарий и газетная вырезка остались лежать на моем столе.

Глядя ему в спину, я спросил:

– Когда?

– Скоро.

– Все-таки хотелось бы знать поточнее. – Я собирался произнести это жестко, но получилось скорее заискивающе. – Мне ведь нужно как-то планировать... свои дела.

Он сказал:

– Не волнуйтесь. В ближайшее время у вас больше не будет дел. Кроме этого.

Это был мой первый серьезный заказ, и я решил тщательно подготовиться. Первым делом отправился в книжный.

Книги Писателя выставлены на центральном прилавке под табличкой: “Бестселлеры”. Два романа (все, что он успел написать) уложены в аккуратные стопочки. К ним тянутся руки – с розовым лаком, с зеленым лаком, без лака, с обгрызенными ногтями, с волосатыми пальцами, с обручальными кольцами... Когда стопочки становятся совсем низкими, приходит вялая продавщица, волоча длинные кривые ноги на огромных каблуках, и приносит еще. Я тоже протягиваю руку, беру оба романа и пристраиваюсь в очередь у кассы. Передо мной стоит девушка с жидкими желтыми волосами и держит в руке те же книги, что и я. Равнодушно рассматривает обложки. Одна – ярко-зеленая, с неопределенно-расплывчатым профилем. Другая – грязно-красная, на ней изображены бесконечные ряды консервных банок и бутылочек с соусами. Я уже почти ненавижу Писателя.

Рядом с кассовым аппаратом стоит блюдечко с карамельными конфетами. Желтоволосая засовывает в рот сразу несколько, с хрустом жует. Оглядывается на меня и тут же отворачивается. В магазине душно и противно пахнет kleem. Я уже ненавижу Писателя. Я терпеть не могу карамель.

Я читал весь вечер и большую часть ночи. Они были довольно короткие, эти книги, но слишком меня раздражали, чтобы справиться с ними быстро.

Первый роман назывался “Смерть в супермаркете”. Там рассказывалось об одинокой пожилой женщине, которая пришла в супермаркет, чтобы купить приправу для какого-то блюда из рыбы, которое она собиралась готовить на ужин. Однако одной приправой она, естественно, не ограничилась – благо супермаркеты устроены таким образом, чтобы покупатели сгребали с прилавков как можно больше продуктов, – и вот она бродит среди

сосисок, сыров, соусов, упаковок с капустой брокколи и бутылок с кока-колой, и вспоминает свое детство, молодость, всю свою жизнь. Какие-то неудачные романы, abortы, вечеринки. Параллельно она читает надписи на этикетках. Ходит, вспоминает, читает, и не может остановиться, и теряется в продуктовом лабиринте. У нее кружится голова, и вот она уже шатается и зовет на помощь, но грохот тележек заглушает ее слабый старушечий голос. И когда дрессированный продавец-консультант наконец подходит к ней, чтобы пропеть свое дежурное “чём-я-могу-вам-помочь”, она падает и – смотри название книги – умирает.

К роману прилагалось восторженное послесловие – там объяснялось, что в своих “смелых и яростных произведениях” Писатель борется с культом потребления.

Это было невыносимо скучно.

Вторую книгу – о серийном маньяке-убийце, члене движения Гринпис, истреблявшего всех, кто недостаточно любил природу, – я читать не стал, только просмотрел. Тоже ничего особенного.

Координатор перестал мне звонить. В Агентстве Клиенту выдали ключ от моей квартиры, и он приходил, когда считал нужным. Он появлялся без предупреждения, подкрадываясь тихо-тихо и говорил: “Рассказывай. Я хочу слышать отчет. Мне нужны все подробности”.

И я рассказывал, стараясь стоять к нему спиной. Ему невозможно было смотреть в лицо. Но и не смотреть – почти невозможно. Оно звало, гипнотизировало, издевалось, это лицо. Оно притягивало, завораживало и высасывало душу – а потом отталкивало. Оно было безобразно. Пародия на клоуна.

Одна – правая – половина этого лица всегда оставалась неподвижной. Зато вторая, когда он говорил, дико гримасничала, рот кривился влево, левая бровь то изумленно приподнималась, то злобно хмурилась, волоча за собой, вверх-вниз, точно на невидимой ниточке, дрожащую, подергивающуюся щеку и издевательски подмигивающий глаз. Но самым ужасным в этом лице был второй его глаз. Тот, что на мертвой половине, с красными воспаленными веками. Он никогда не моргал. И он был круглый. Идеально круглый птичий глаз.

Писатель падает. Удивленно озирается. У него перед глазами – яблочные огрызки, пустые пластиковые бутылки из-под кока-колы, кожура от семечек, зеленые осколки стекла, помятые пивные банки, застрявшие под дощечками шпал. Он смотрит вверх и вяло говорит: “Помогите!”, но грохот поезда заглушает его голос.

“Никто не удивится. Никто ничего не заподозрит, – написано в сценарии. – У писателей, как у всех творческих личностей, неустойчивая психика. А в этом городке каждая собака знает, что у него был повод для самоубийства”.

Я стою на краю платформы и смотрю вниз. Кроваво-красный шарф теперь неотличим на общем фоне.

Потом я иду на почту, покупаю открытку с Дедом Морозом (она мне не нравится, да и не сезон – но на остальных, что есть в продаже, рисунки еще хуже: отвратительная кукла-неваляшка и золотые розы), сверяясь со сценарием и, стараясь копировать почерк, которым он написан, аккуратно вывожу: “Видишь, я все же могу”. Получается похоже.

Вписываю адрес, который дала мне женщина с тремя подбородками, и отправляю открытку писательской жене. Вдове.

Когда Клиент пришел во второй раз, он взял с моего стола сценарий, протянул мне и сказал: “Читай вслух”. Я читал, а он беззвучно шевелил своими отвратительными губами и иногда улыбался. Двадцать страниц машинописного текста – он знал их наизусть. Впервые за время работы в Агентстве мне стало страшно. Столько ненависти.

Ну вот – я сделал почти все, что хотел Клиент. Почти. Последняя страница сценария лежит передо мной.

Осталась только Вдова. Я должен был покончить с ней сегодня, но не смог. Что-то не так, я чувствую. Конечно, мне, в общем-то, все равно, это не мое дело, это просто моя работа, но... Что-то не так. Я уже пришел к ней – с огромным букетом тюльпанов (“Добрый день, доставка цветов – букет прислали поклонники вашего покойного мужа – примите мои соболезнования”). Но она так кричала... Так странно кричала... Я ушел.

Да, я знаю, знаю. Она давно уже не в себе – после того, что мы сделали с ней. Она открыла мне дверь и стояла на пороге – почти голая, слипшиеся грязные волосы закрывали лицо; в руке она держала замороженную рыбину и сосала ее голову, словно это был леденец на палочке. Впивалась своими губами в ледяную открытую пасть, облизывала мертвые рыбы глаза. Она долго смотрела на меня, бессмысленно, тупо. Я протянул ей букет – взяла свободной рукой, с минуту рассматривала, потом уронила. И вдруг дико, с подываниями, закричала. Наверное, так часто кричат умалишенные. Но она... что-то в ее крике меня насторожило.

И я ушел. Прежде чем с ней покончить, мне нужно кое-что прояснить. У меня накопились вопросы к Клиенту.

Почему мне больше не звонит Координатор? Почему она так кричала? Но главное...

– Откуда такая ненависть? – Я сам удивляюсь, что все же решился спросить.

Он молчит.

Я слишком нервничаю – так сильно, что трясутся руки. И у меня словно горит все лицо. Иду в ванную, чтобы умыться холодной водой. Он молча идет следом.

Я умываюсь, становится лучше. Вытираю лицо полотенцем и слышу, как он запирает дверь ванной изнутри. Мне становится страшно. Он стоит прямо за моей спиной. Он сумасшедший.

Поднимаю голову. В зеркале над раковиной отражается его уродливое лицо. Я вдруг замечаю, что по его щеке текут слезы.

– Вы плачете?

В ответ он улыбается – его левая половина улыбается. Он говорит:

– Лагофталм.

– Я не понимаю.

– Лагофталм – заячий глаз. Из-за паралича круговых мышц глаз веки не смыкаются, что приводит к нарушению циркуляции слезы.

Я спрашиваю:

– Это у вас с детства?

Он качает головой:

– Автомобильная авария – чуть больше пяти лет назад. Множественные переломы конечностей, пролом черепа, повреждение лицевого нерва. У меня парализована половина лица. Три месяца я провел в интенсивной терапии. Потом еще полгода – в хирургическом отделении и пару лет – в психиатрическом. В каком-то смысле, у меня началось второе детство. Я разучился жевать...

Мне совсем не хочется слушать его дальше.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

– ...и теперь могу есть только жидкую пищу... Каждое утро – на протяжении нескольких лет – мне звонит мой лечащий врач, и, словно заботливая мамаша, спрашивает,

как самочувствие, и дает инструкции на весь день. Он бы звонил и дальше – я думаю, он бы звонил мне всю жизнь, если бы...

– Перестаньте!

– ...если бы я не перерезал телефонный провод. Я не могу появляться на улице без темных очков. У меня на лице – пятнадцать шрамов, и иногда они страшно болят...

Я зажмуриваю глаза.

– ...помогает только ледяная вода.

Почти шепотом я снова спрашиваю:

– Откуда такая ненависть?

В зеркале я вижу, как он улыбается одной половиной рта:

– А ты вспомни. Все очень просто. – Он смотрит на меня своим круглым мертвым глазом. Я смотрю на себя своим круглым мертвым глазом.

– Где ты была?

Я говорю гадким высоким голосом. Совсем не своим – или, может быть, я только сейчас заметил, как мой голос звучит на самом деле. Моя футболка противно намокла под мышками: по синей синтетике расползаются едкие черные пятна. От меня плохо пахнет. У меня болит живот. После каждой моей фразы там что-то булькает – громко и трагически.

Она молчит. Я наливаю себе еще одну рюмку, залпом проглатываю, закуривая очередную сигарету, слежу, чтобы не очень дрожала рука с зажигалкой. Меня тошнит. Глубоко вдыхаю воздух, кашляю, тоже как-то пискляво и противно. Вдыхаю еще раз, говорю:

– Может быть, ты мне объяснишь, что происходит?

Она внимательно изучает невидимый предмет на полу. Потом поднимает на меня глаза – и в них нет ничего, кроме лени, кроме наглого, бесцеремонного желания спать.

– Утром, ладно? Поговорим утром. – Она выходит из комнаты.

– Нет, сейчас! – взвизгила я вслед, но не бегу за ней, сдерживаюсь.

Слышу, как закрывается дверь в ванную и шипит душ. Я пью прямо из горлышка. Потом говорю вслух: так не пойдет, чувство собственного достоинства, как же чувство собственного достоинства; наливаю в рюмку, что-то еще бубню себе под нос, как сумасшедший, как слабоумный. Потом начинаю плакать.

Она ложится спать.

Моя истерика. Моя ночь. Теперь уже не важно, теперь все можно, я веду себя как баба, ха-ха, я хлопаю дверьми, бегаю по квартире, всхлипываю, тряусь и корчуясь. Я репетирую речь. Чем-то угрожаю, что-то доказываю зеркалу. Пью. Кончается, я выхожу из дома в тошнотворно кружашееся пространство и покупаю еще, пью.

Я приползаю к ней под утро.

Все эти месяцы – когда она старалась пораньше уйти и попозже вернуться, а иногда не возвращалась вовсе или вдруг срывалась на ночь глядя под каким-нибудь совершенно идиотским предлогом (родителей разбил радикулит – что, обоих? – ну да, обоих... – и нужно срочно погулять с их пуделем, у подруги случилась несчастная любовь – и нужно немедленно ехать ее утешать), и перестала прикасаться ко мне, и почти перестала со мной разговаривать, – все эти месяцы я не решался задать ей этот вопрос. Сейчас я тоже не хочу его задавать – но я пьян, и слова как-то сами собой вываливаются из рта, медленно, неумолимо, большими вонючими кусками.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

Ее взгляд блуждает по комнате – за моей спиной явно рассыпаны десятки, сотни увлекательных невидимых штучек. Наконец замечает и меня. Собирается что-то сказать. Мне становится страшно, очень страшно.

– Да.

Все. У меня такое чувство, будто чья-то холодная маленькая лапка, незаметно преодолев слои кожи, жира и чего там еще есть внутри, цепко схватила меня за желудок и изо всех сил сжалла. И я умер.

Какое-то время мы разговариваем, если это можно так назвать. Откуда-то с того света я задаю все эти вопросы – ненужные, нудные и пошлые. Мне не приходится думать над формулировками, я делаю все на автомате – я миллион раз заставлял никчемных героев своих никчемных сценариев говорить эти слова. У тебя кто-то есть? Значит, у нас все кончено? Кто он? Она отвечает, явно стараясь выглядеть виноватой, но у нее не получается. Она похожа на прилежную школьницу, читающую вслух стихотворение, которое вызубрила, не вникая в смысл. Фальшивые интонации. Акценты в неправильных местах. Да, все кончено. Да, кто-то есть. Он писатель. Она послушно отчитывается передо мной, она говорит все – и даже больше. Он такой талантливый. С ним так интересно. Он пока не издал ни одной книги, но все впереди, потому что он такой целеустремленный. Правда, он бедный, и у него даже нет квартиры, но это не важно...

Где же они будут жить? Как “где?” – конечно, здесь.

Я для нее уже привидение.

Последний штрих – и как эти чертовы сценарии умудрились вылезти из своего безобидного параллельного мира и забраться в мою гнусную действительность? – она, кажется, беременна. От него, естественно. Может, беременна, а может, и нет – еще до конца не поняла. Но по утрам подташнивает, и спать все время хочется. Говоря об этом, она заметно оживляется, она делится со мной как с подружкой. Я для нее уже привидение.

Я окончательно превращаюсь в одного из своих придурковатых персонажей. Я ору, что убью его. И ее убью. И их отвратительное потомство – если оно появится.

Она, видимо, тоже следует какому-то из моих сценариев, поэтому в ответ хохочет – громко и неестественно. И сквозь смех выдавливает:

– Т-ты? Ну-ну, убей... уб-бей... Ты же даже не можешь меня... даже не можешь...

Я судорожно сгребаю в сумку какие-то совершенно ненужные вещи, хлопаю дверью и выскакиваю на улицу. С третьей попытки открываю дверь машины и сажусь за руль. Я пьян – но не настолько, чтобы не понимать, что мне совершенно некуда ехать. И что сейчас я разобьюсь к чертовой матери.

И пока автомобиль медленно, кинематографично опрокидывается колесами вверх, и прежде чем моя голова ударяется о боковое стекло и сотни осколков впиваются в лицо, я успеваю о многом поразмыслить. И понять, почему все так получилось. Почему она так обошлась со мной. Думаю, потому, что я никакой. У меня нет ни друзей, ни родственников. У меня невзрачная, незапоминающаяся внешность. Средний рост. Средний вес. Меня можно перепутать с кем угодно. Меня невозможно запомнить. Если я ограблю кого-то средь бела дня, пострадавший не узнает меня на очной ставке. У меня нет родинок, бородавок или шрамов. У меня тонкие губы, ничем не примечательный нос, тусклые волосы, маленькие, невыразительные глаза, маленький мягкий член. Я импотент. Я ничем не увлекаюсь. Я умею придумывать бесконечные унылые истории об осиротевших детях, разлученных влюбленных, потерявших память красавицах и алчных злоказненных женихах. Я живу скучную жизнь. Я именно тот...

...Я именно тот, кто им нужен. Идеальный Агент.